

В ЦК ВКП /б/ тов. СТАЛИНУ.

Великий и мудрый тов. Сталин!

Я совершил величайшее преступление перед партией и заслуживаю тягчайшего наказания. Зная о существовании антипартийной контрреволюционной зиновьевской организации, принимая, в первые годы после XV-го съезда, активное участие в ее работе, я и в дальнейшем не нашел в себе сил сообщить о ней ЦК и это кладет на меня, в равной мере со всеми остальными, ответственность за ее работу и за тяжелые последствия этой работы.

Гнусное, подлое убийство тов. КИРОВА совершено б. активнейшими членами зиновьевской оппозиции. Это явилось следствием предательской двурушнической позиции ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и других, толкнувшей авантюристов, потерявших какую бы то ни было перспективу, порвавших все нити, связывавшие их с партией и рабочим классом на путь фашистского террора против действительных вождей партии и рабочего класса, на путь измены пролетарскому государству, непосредственной связи с заграничной контр-разведкой и белогвардейщиной. Почва, взращенная гниющим зловонием зиновьевского разложения, родила белогвардейские семена. Путь, указанный ЗИНОВЬЕВЫМ, КАМЕНЕВЫМ, ХАРИТОНОВЫМ, ЕВДОКИМОВЫМ, ЗАЛУЦКИМ, БАКАЕВЫМ, КУКЛИНЫМ, САФАРОВЫМ, ФЕДОРОВЫМ и другими, привел к прямой измене партии, рабочему классу и родине.

Убийство т. КИРОВА подготовили, организовали и совершили их ближайшие выученики и помощники, как, например, б. секретарь Ленинградского Губкома молодежи - В. РУМЯНЦЕВ и один из главных руководителей Ленинградского оппозиционного центра времен 1927 г. - В. ЛЕВИН.

Как это могло произойти?

Большинство бывших зиновьевцев, и я в том числе, резко отрицательно отнеслись к решению XV съезда партии об исключении из партии руководителей "ленинградской" оппозиции, хотя почти все при приеме в партию или при опросах в контрольных комиссиях категорически двуручнически заявляли, что считают это решение совершенно верным. Основным лозунг ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, ЕВДОКИМОВА и других после XV партсъезда был "признавать все" и "на брюхе ползти в партию". Подчиняясь этому лозунгу, люди ввали, обманывали партию и вступали в нее не порывая между собой связей. Возвращение в партию бывших "вождей" родило новые мечты: что они будут "продвинуты" к власти, что возродится, как называли, "Ленинский ЦК", т.е., как мыслили зиновьевцы, такой ЦК, в Политбюро которого будут входить ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ. Эти надежды не оправдались. Бывшим вождям было, совершенно правильно, предложено начать с небольшой работы и на деле, на практической работе, доказать и показать, что они преданы партии, что они по существу поняли свои ошибки, что они способны проводить линию партии в жизнь. В ответ на это они, на словах воспевая гимны т.СТАЛИНУ, на деле замкнулись в старую оппозиционную скорлупу и вместо того, чтобы слиться с партийной массой и творить общее дело, по существу сохранили свой старый оппозиционный центр - перешли на нелегальное положение и в составе этого центра /ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ФЕДОРОВ, ХАРИТОНОВ, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ и т.д./ собирались и обсуждали то, что происходит в партии, Коминтерне, стране. Вместо перехода на новые партийные рельсы на деле имела место еще большая замкнутость, семейственность и круговая порука, трусость и двуручничество со стороны ставших на контр-революционный путь б.вождей, которые и привели к созданию внутри партии, вышедшей из зиновьевской организации, авантюристской группки, окончательно порвавшей с марксизмом и ставшей на путь связи с махровой белогвардейщиной и

контрреволюционного террора против лучших людей партии.

Работая после XV партс"езда в Самаре, мне пришлось в 1928 г. тесно столкнуться с ЕВДОКИМОВЫМ, КУКЛИНЫМ, ЯРОСЛАВОМ и НАУМОВЫМ. Мы близко сошлись домами и часто бывали друг у друга. Основное стремление у всех тогда было скорее попасть в Москву, ближе подойти к политической работе. Основной расчет на то, чтобы ближе подойти к политическому руководству. Основная цель - добиться привлечения ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА к политическому руководству партией и страной. Из оценки положения того периода я считаю необходимым остановиться на двух моментах: 1/ о борьбе с кулаком. По этому вопросу говорилось, что партия перешла на рельсы платформы, проводит ее в жизнь. 2/ О руководстве Коминтерна: политика недостаточно активна, руководить в Коминтерне некому, в ряде Компартий разброд, без ЗИНОВЬЕВА ничего не получается. Этот вопрос, примерно, в таком же разрезе обсуждался и ставился в последующие годы, в разговорах, со стороны всех бывших руководителей зиновьевской оппозиции, которые мне приходилось слышать.

Разрыв личной связи с ЕВДОКИМОВЫМ и КУКЛИНЫМ у меня был с момента их от"езда из Самары до моего приезда в Москву в середине 1929 г. Приехав в Москву я, не имея никого знакомых, кроме перечисленных лиц остановился у КУКЛИНА и жил у него месяца три, пока не получил квартиру и не приехала моя семья. Бывал у ЕВДОКИМОВА, ГЕРТИКА, НАУМОВА, ЯРОСЛАВА и РЕПНИКОВА. В это время зиновьевская организация не переставала существовать и фактически перешла на нелегальное положение. Изменились только задачи перед ней стоявшие и изменились методы работы. Основными задачами являлись: 1/ сохранение кадров и 2/ политическое воспитание этих кадров в духе отличном тому, чему учил ЦК. Эти задачи осуществлялись путем бесед "между прочим", в узком кругу, за стаканом чая или игрой в карты. Зиновьевская орга-

низация превратилась в узкую замкнутую группку и только внутри этой группки велись откровенно разговоры о политике. Бывшие зиновьевцы собирались главным образом, у ГЕРТИКА. Туда приходили ХАРИТОНОВ, ФЕДОРОВ, ГОРШЕНИН, С. ГЕССЕН, ЯРОСЛАВ, БРАВО, БАКАЕВ, НАУМОВ, БРАУДЕ, РЕПНИКОВ, КОЖУРО, реже ЕВДОКИМОВ, КУКЛИН и много других. Кроме того, там часто бывали всякие приезжающие и проезжающие через Москву. Из них помню М. НАТАНСОН, ЗИЛЬБЕРМАН, АНИШЕВА, ГЕРЦБЕРГА, ДМИТРИЕВА Т. и ДМИТРИЕВА Н. Все приходившие чувствовали здесь себя, как дома: ели, спали, пили, рассказывали контрреволюционные анекдоты и сплетни. Основные политические разговоры этого периода сводились к следующему:

- 1/ Недовольство всех, в том числе в то время и мое, вызывало не привлечение к руководящей работе бывш. руководителей оппозиции.
- 2/ Политику Коминтерна расценивали, как не активную, не действенную, утверждали, что в результате этого в ряде компартий разброд.
- 3/ Клеветали, что борьба с правыми и борьба с кулаком "позаимствована" из платформы оппозиции.
- 4/ Поддерживались и распространялись всякие клеветнические контрреволюционные слухи о мнимых разногласиях в ЦК.
- 5/ Много говорилось о тяжелом продовольственном положении в стране, о перегибах на селе. Письмо тов. СТАЛИНА " Головокружение от успехов " рассматривали, как результат неспособности обеспечить полностью проведение правильной политики, в результате чего приходится идти на отступление. Все эти отдельные разговоры, порой фразы, понятно, не были случайными, они были звеньями одной общей цепи, были результатом недовольства линией ЦК. Все эти контрреволюционные разговоры своим острием были направлены против ЦК, против т. СТАЛИНА, все они велись зиновьевцами, имеющими партбилет в кармане. И когда сейчас в свете всей последующей линии ЗИНОВЬЕВА и других анализируешь все воспоминания об этих разговорах - невольно приходишь к выводу, что,

~~217~~

в конечном итоге, все они были искусственно навязаны бывшими "вождями" не только по принципиальным соображениям; надо было чем-нибудь поддерживать настроение среди своих единомышленников и поэтому хватились за каждую трудность, по своему истолковывали каждую трудность, стоявшую на победном пути партии. Эти настроения исходили от ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и распространялись среди их сторонников.

В 1931 году я перестал ходить к ГЕРТИКУ. Этому предшествовал разговор с НАУМОВЫМ и ЛЕПЕШИНСКОЙ у них на квартире. Я помню ее слова о том, что вам, ребята, хватит "пить и вязаться со всякой сволочью". Под "сволочью" разумелись всякие малознакомые или совсем незнакомые люди, с которыми иногда встречались у ГЕРТИКА. В частности, я помню, что ЛЕПЕШИНСКАЯ говорила о том, что у ГЕРТИКА бывает всякий сброд, иногда появляется кое-кто из бывших троцкистов. Основная устремленность этого разговора сводилась у нас всех троих к тому, что встречи эти вырождаются в выпивки, сопровождаемые контр-революционным шушуканьем и болтовней. По существу, с этого момента у меня начался отход от работы зинovieвской организации.

Моя антипартийная, контрреволюционная работа, выражалась в систематических связях и встречах с перечисленными мною лицами, в поддержании вместе с ними контрреволюционных разговоров и сплетен. Моя основная беда заключалась в том, что я никак не мог оторваться от некоторых из них даже тогда, когда твердо решил порвать с зинovieвским прошлым.

У ЗИНОВЬЕВА я был два раза: 1/ первая встреча имела место в конце 1929 г. или в начале 1930 г. Из этой беседы я помню три момента, о которых говорил ЗИНОВЬЕВ: а/ он говорил о том, что ему перестали давать путевки на собрания и что это, должно быть, имеет место потому, что его очень хорошо встречали рабочие; б/ в вопросе о правых ЦК ведет правильную политику, но "мы об этом говорили и писали значительно раньше"; в/ Каминтерна совершенно не слышно и в нем нет

людей, которые способны были бы руководить работой. Беседа продолжалась минут 20-30, зашел КАМЕНЕВ, с которым я тогда встретился в первый и последний раз, и сразу же ушел.

2/ Вторая встреча произошла осенью 1932 г. Мне стало известно, что в ЦКК разбирается вопрос о связи ЗИНОВЬЕВА с какой то правой группировкой и что ЗИНОВЬЕВА высылают. Эти слухи на меня произвели большое впечатление. Я поехал к ЗИНОВЬЕВУ, рассказал о слышанном и спросил в чем дело. ЗИНОВЬЕВУ уже все, как я понял, было известно, произвел он на меня впечатление совершенно растерянного и испуганного человека, ничего членораздельного по существу не ответил, сказав только что, как видно, ему придется уехать. Совершенно ясно было, что он боялся мне сказать свое мнение по существу дела. Я ушел от ЗИНОВЬЕВА с тяжелым чувством полной пустоты от него и от своего антипартийного прошлого.

Больше я к ЗИНОВЬЕВУ не ходил и когда, после его возвращения, как-то встретил его на улице - перешел на другую сторону.

Связь ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА с рютидцами, когда я узнал подробности, на меня произвела резко отрицательное впечатление, для меня совершенно ясно стало, что она являлась не случайной, а непосредственно вытекала из провозглашенного ЗИНОВЬЕВЫМ лозунга на XIV съезде, по вопросу о фракциях.

Я стал активно работать в партии, но не порвал все личные связи.

Полная перемена взглядов и настроений происходит медленно и болезненно. Она должна сопровождаться показом фактов, опровергающих прежние настроения, наглядно доказывающими их прежнюю ошибочность, только тогда она будет окончательна и серьезна. С 1932 г. я об"ездил весь Советский Союз, был на Кавказе, Урале, в Сибири, Горьком, Казанстве, Ленинграде, всех волжских городах и еще и еще. Я наглядно видел, как претворяются в жизнь великим гением и железной волей СТАЛИНА решения партии, с каким энтузиазмом они проводятся, я видел,

как строится индустриальный Советский Союз, как в огне классовой борьбы ликвидируется кулачество, как колхозы превращаются в большевистские, а колхозники в зажиточных, как вдребезги разбиты и уничтожены все измышления о невозможности построения социализма в одной стране. Я не наблюдал все это в качестве созерцателя, я сам принимал участие в происходящих великих переменях, на вверенном мне участке работы. Наряду с этим, принимая во всем этом непосредственное участие я не мог не видеть, как от всего зиновьевского осталось только - одна труха. Я пришел к этому потому, что сам активно участвовал в работе и борьбе, не отсиживаясь, а активно работая, полюбив свою работу, проводя в ней линию партии и давая хорошие образцы работы. Но тяжелый груз личных связей опутывал мне ноги, и я не имел сил его скинуть, не мог полностью выбраться из зиновьевского болота, окончательно порвать со всеми, кто в этом болоте увяз.

Зиновьевская организация, существовавшая ряд лет внутри партии, не только не завербовала ни одного нового члена, но постепенно редели ее ряды. Исключительная сила, монолитность и единство партии, достигнутые под руководством великого СТАЛИНА, превратили партию в такой железный организм, который оказалась бессильной даже в бесконечно малой мере затронуть ржавчина.

Моя оценка ЗИНОВЬЕВА, как вождя, кажется мне далеким и тяжелым прошлым. Становится стыдно и тяжело, когда вспоминаешь о том, что я когда-то сопоставлял СТАЛИНА и ЗИНОВЬЕВА. Гений, величие, монолитность, целеустремленность у СТАЛИНА - низкое политиканство, двурушничество, трусость, трупный яд разложения у ЗИНОВЬЕВА. Мощный полет мысли в простор и высь, на могучих орниных крыльях, у одного и прыжки лягушки, неизбежно обреченной падать назад, в старое болото - у другого. Из "обозной рати" ЗИНОВЬЕВ и иже с ним окончательно сватился в мусорную яму истории и о нем будут всегда писать в учебниках, как о классическом

ком образце предательства и двурушничества. А партия, под руководством великого СТАЛИНА, добилась грандиозных решающих исторических побед, раздавливая на своем пути все вредящее и гнилое, ни на минуту не приостанавливая своего наступательного движения вперед и выше.

С 1-го апреля 1934 г. меня перебросили на работу в Северный Край. Я сразу взял с собой семью для того, чтобы не тянуться к Москве и работал по настоящему, получая большое удовлетворение в работе. Как я работал знает Северный Крайком. Хорошие деловые связи, которые у меня установились в Архангельске давали мне возможность окончательно по новому работать. Личные связи у меня также установились только с людьми другого склада и покроя. У меня на квартире чаще других бывал АУСТРИН, приходили Вл.Ив.ИВАНОВ, ПРЯДЧЕНКО, ШИЙРОН. Я думал, что на всем контрреволюционном, антипартийном прошлом поставлен крест, что, наконец, тяжелый груз окончательно свалился. Оказалось, не так: кто не был искренним находясь в партии, кто двурушничал, гадил исподтишка или молчал, когда надо было кричать, - тот должен отвечать перед партией и это совершенно правильно. Я уверен, что ЦК правильно решит вопрос обо мне и даст оценку моим действиям и работе, которая может быть только самой суровой. Понятно, что мне хочется работать, хочется работой загладить все свои преступные антипартийные действия. Нельзя не мечтать, не думать об этом, когда помотришь на ту колоссальную стройку, которая происходит в стране, - а ведь мне это тем легче, что для меня линия партии является единственно правильной линией, тем легче, что великий вождь нашей партии тов. СТАЛИН, каждое его слово и действие является для меня основным и единственным указанием того, что делать и как работать.

Великий и мудрый тов. СТАЛИН! Я обращаюсь к Вам за помощью: помогите мне на деле, на работе доказать, что проклятое прошлое мною

изжито окончательно и бесповоротно, что я предан партии и способен всеми силами искренне бороться за проведение в жизнь ее решений на самой черной работе, на самом тяжелом участке.

10-1-35г.

Плахов.

Сахоев